

роль отворачивается и закрывает глаза. Супруги не обмениваются ни словом...

Входят пажи. Приоткрыв один глаз, король наблюдает за движением тарелок.

Ну, конечно! Два заморенных цыпленка и тощий бараний зад! Кого уж тут приглашать! Они давно обедают и ужинают в одиночестве, мрачные и молчаливые, лоя насмешливые улыбки лакеев.

И что делать, с кого спрашивать, если он должен буквально всем: не только шамбеллану, сирю де Трёмуйлю, не только канцлеру, его высокопреосвященству Реньо Шартрскому, но и своим восначальникам и чиновникам, поставщикам провизии и поварам, сапожникам и портным! Он, божьей милостью, король Франции, вынужден надставлять новые рукава к своим старым камзолам и шеголять в рваной обуви! Да, в абсолютно рваной, которую уж, разумеется, не надел бы ни один из его придворных!

Король не может без отвращения вспомнить, что произошло сегодня днем.

Его сапожник, мэтр Жак, принес пару новых башмаков, заказанных месяц назад. Мэтр Жак примерил их королю. Они сидели, как влитые, и были выполнены по последней моде. Король хотел поблагодарить мастера, но не успел этого сделать, ибо тот почтительнейше попросил оплатить заказ. Платить было нечем. Шельма сапожник и бровью не повел. Он поклонился королю, аккуратно снял с его ног новые башмаки, завернул их в тряпку, еще раз поклонился и вышел из комнаты.

Его величество опешил и не сразу понял, что произошло...

Когда понял, едва не задохся от гнева. Хотел было крикнуть, чтобы стража задержала сапожника. Но затем раздумал. Слава богу, срама никто не видел. А что возьмешь с наглеца? Ведь он же прав: ему действительно бог знает сколько времени ничего не платят...

И все это происходит потому, что каналы видят только беспомощность его, короля. Все горе в том, что король не хозяин в своей стране. В ней хозяйничают